

<https://doi.org/10.5281/zenodo.5543859>

УДК: 82.091+027.

Гончарова Н.В.

Гончарова Наталья Владимировна, кандидат филологических наук, зав.сектором Научной библиотеки, Томский государственный университет, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36. E-mail: Nauchka@mail.ru.

Идеи Гердера в концепции исторического развития литературы профессора А.В. Никитенко

Аннотация. В статье рассматривается историческая часть личного книжного собрания профессора А.В. Никитенко. Показан процесс усвоения им философских и исторических идей Гердера для формирования концепции исторического развития русской литературы. Никитенко предложил новую для того времени периодизацию литературы и использовал этот материал для преподавания словесности в Санкт-Петербургском университете в 1830-1840-х гг. Профессор считал понятие народности ключевым для развития словесности и связывал историю народа с его литературой.

Ключевые слова: русская литература, народность, историческое развитие, И.Г. Гердер, А.В. Никитенко.

Goncharova N.V.

Goncharova Natalia Vladimirovna, PhD in Philology, Head of the Department at the Research Library of Tomsk State University, Russia, 634050, Tomsk, Lenin ave., 36. E-mail: Nauchka@mail.ru.

Herder's notions in the concept of literature historical development by Professor A.V. Nikitenko

Abstract. The article highlights the historical part of the personal books collection of Professor A.V. Nikitenko. The process of exploring Herder's philosophical and historical ideas for the formation of the historical development of the Russian literature concept is revealed. The Professor considered the national identity to be the key concept for the development of literature and linked the history of the people with its literature. Nikitenko proposed a new for that time literature periodization, where he marked the key development points of the Russian literature from its first representation till the contemporary state. He applied this material to teach literature at St. Petersburg University in the 1830s and 1840s.

Key words: Russian literature, national identity, historical development, J. G. Herder, A.V. Nikitenko.

Александр Васильевич Никитенко (1804-1877) известен как профессор словесности Санкт - Петербургского университета, историк литературы и цензор. Окончив Санкт-Петербургский университет, он с 1830 г. преподавал в нем политическую экономию, а с 1832 г. русскую словесность сначала в качестве адъюнкта у профессора

П.А. Плетнева, а с 1834 г. в звании профессора. В период самоопределения русской литературы, в эпоху бурных споров о ее национальном своеобразии, он вырабатывал собственное видение истории литературы, и в труде «Опыт истории русской литературы» (1845) предложил новое осмысление ее периодизации.

Личная библиотека А.В. Никитенко, хранящаяся в Научной библиотеке Томского университета, представляет собой собрание книг по всем отраслям гуманитарных наук и отражает довольно широкие взгляды своего владельца. В ней содержится множество изданий художественной литературы XVIII–XIX в., прижизненные издания русских классиков, ранние переводы западных ученых и обширный пласт – более 450 томов – исторических исследований и источников.

Историзм Никитенко вырабатывался в процессе знакомства с самыми различными источниками, его библиотека содержит труды античных авторов в переводах на русский язык Тацита, Плутарха, Юлия Цезаря и др., произведения французских просветителей Мармонтеля, Ж.Ж. Руссо, Вольтера, сочинения по всемирной истории Г. Вебера, К. Беккера, Ф. Шлоссера, европейские и русские исторические исследования. Однако Никитенко не был историком. Исторические явления оценивались им не сами по себе, а для понимания современных событий, выработки своего отношения к общественной реальности. Показателен факт, что из большого массива его текстов (более 40) исключительно историческим явлениям посвящены лишь несколько: речь «Похвальное слово Петру Великому» (1838), статья «Прогресс» [12], некрологи, посвященные государственным деятелям А.С. Норову, графу Д.Н. Блудову и др.

При этом взгляды Никитенко на историю проявлялись в его теоретических статьях, в литературно-критических выступлениях. Никитенко выражал свою гражданскую позицию в дневниковых отзывах о текущих и прошедших исторических событиях. Его судьбой была не история, а литература. Но пристальное изучение исторических источников позволяло ему шире и полнее осмысливать литературные явления минувшего и настоящего.

Особое внимание Никитенко привлекали теории на стыке литературы, истории, философской эстетики, языкознания, рассматривающие совокупности разных явле-

ний. Идея развития, концепция философии истории, понимание исторического и национального своеобразия «времен и народов» была изложена в трудах Гердера, и столь значимое явление не могло пройти мимо поля зрения Никитенко.

Имя немецкого просветителя Иоганна Готфрида Гердера было знаковым для периода конца XVIII – начала XIX в. Еще при жизни Гердера его наследие стало усваиваться русскими писателями и мыслителями. Отражение различных идей философии Гердера проявилось в творчестве М. Ломоносова, Г.Р. Державина, А.Н. Радищева, Н.М. Карамзина. Гердер был поистине «властителем дум» поколения 1810–1830-х гг. Отрывки и отдельные переводы из Гердера печатались в «Московском журнале», «Вестнике Европы». Гердеровский историзм отразился в «Теории поэзии» С.П. Шевырева, в лекциях Т.Н. Грановского, в «Арабесках» Н.В. Гоголя. Для В.А. Жуковского трактаты и статьи Гердера способствовали освоению поэзии народов мира [14].

О чтении Гердера повествует дневниковая запись Никитенко от 22 апреля 1831 г., сделанная после посещения зверинца с дрессированными животными: «Невольню вспомнилось мне здесь недавно прочитанное мною замечание Гердера, который придает так много цены прямому телосложению человека, чего лишены другие твари. Я не мог здесь не согласиться с ним» [6, с. 106]. Мысль о прямохождении, на которую ссылается Никитенко, рассматривается Гердером в 4-й книге первой части «Идей к философии истории человечества». Этот основополагающий труд Гердера, переведенный на русский язык в 1829 г. М. Погодиным с заглавием «Мысли, относящиеся к философической истории человечества», сохранился в библиотеке профессора с его характерными пометами – подчеркиваниями, отметками на полях и знаками NB.

На примере данного экземпляра в сопоставлении с дневниковыми записями Никитенко можно заметить факты активного усвоения идей немецкого мыслителя

для собственного мировоззрения. В первой части труда Гердера «Наша Земля есть звезда между звездами», где общие закономерности развития вселенной проецируются на человеческую природу и общество, говорится о внутренней гармонии вселенной. Читатель Никитенко в своем экземпляре подчеркивает следующие слова: «чувствую, что моя судьба привязана не к земному праху, но к невидимым законам, управляющим землею» [1, с. 5]. Эти законы Никитенко не только сам пытался постичь, но ставил себе задачу в преподавательской деятельности раскрывать и объяснять своим ученикам высшие закономерности мира: «Я должен делать доступными моим слушателям такие истины, которые содействуют прямо и непосредственно их внутренней гармонии и ставят их в гармонические отношения с человечеством» [6, с. 235].

Особую силу и достоинство Гердер и Никитенко видели в самопознании человека, составляющем преимущество перед «прочими земнородными». Отмеченный в книге Гердера фрагмент: «самопознание есть действие духовной силы» акцентирует внимание Никитенко [1, с. 275]. Мысль о познании и устройении своего внутреннего человека составляло главную доктрину его жизни, это подтверждает одна из многих дневниковых записей: «...самообразование, непрерывное самосовершенствование, внутреннее саморегулирование в видах возможного умственного и нравственного возвышения – вот великая задача, вот труд, который стоит величайших усилий» [6, с. 396]. Данные рассуждения показывают, насколько глубоко философские идеи и убеждения проникали в мировоззрение Никитенко. Вместе с тем, главной целью его профессиональной деятельности было способствовать развитию науки о литературе.

В своей первой лекции на поприще преподавателя словесности в университете Никитенко утверждает понимание истории как процесса созидания: «Мир физический уже кончен в его строении, в нем все изменено, исчислено, определено строгими за-

конами порядка <...> Мир человеческий еще создается: и кто может предугадать те нравственные явления и судьбы, кои грядущими веками будут внесены в его огромную летопись?» [8, с. 5]. Никитенко указывает на роль литературы в истории становления нации. По его представлению, народ, не имеющий своей литературы, является собой «общество получеловеков, <...> вовсе лишенных нравственного самочувствования»; он призывает обогащаться «сокровищами народного языка» и сохранять «достоинства отцов» [8, с. 11-12, 23].

В 1838 г. в своей работе «Похвальное слово Петру Великому» Никитенко рассматривает значение Петра не только для истории, но и для литературы – как знаковую личность, разделившую историю России на «до» и «после». Одновременно с изучением исторических предпосылок развития литературы Никитенко активно выступал со статьями по творчеству писателей XIX в. Его публикации о творчестве В.А. Жуковского (1836), К.Н. Батюшкова (1840), М.Ю. Лермонтова (1841), Г.Р. Державина (1845), «Литературные заметки и наблюдения» (1840) и др. формировали видение литературы новейшего времени. Речь Никитенко о современном направлении отечественной литературы, произнесенная в торжественном собрании университета в 1841 г., произвела впечатление на В.Г. Белинского, который выразил главную мысль так: «современная русская литература обнаруживает стремление к истине и самобытности» [13]. Все это привело Никитенко к новому этапу осмысления периодизации литературы и проблемы источников и позволило ему предложить новую методологию, объединяющую явления философии и общественного развития с историческим изучением литературы.

В 1845 г. Никитенко издал «Опыт истории русской литературы. Кн.1. Введение», свой главный труд в качестве профессора русской словесности в Санкт-Петербургском университете. Будучи преподавателем теоретических дисциплин, он вел и практические занятия в сотрудниче-

стве с П.А. Плетневым. Оба ученые, близкие по направлению, начинали преподавание в университете с 1832 г. и развивали новые идеи историзма и народности. Вместе они разрабатывали новые подходы к изучению литературы, при этом у каждого был свой взгляд на ее историю. После назначения Плетнева ректором университета в 1850 г. курс истории литературы полностью перешел к Никитенко. В «Опыте...» предложена периодизация, которая существенно отличается от плетневской. В целом исследователи признают, что в области академического литературоведения «итоги деятельности Плетнева и Никитенко можно признать определяющими научно-педагогический облик кафедры русской словесности Петербургского университета на многие годы вперед» [5, с. 19].

В «Опыте истории русской литературы» Никитенко отразилась его концепция развития отечественной словесности. Любопытно, что название своему труду Никитенко дает по аналогии с одной из гердеровских работ «Опыт истории поэзии» (1767), в которой немецкий философ отвергает идею о божественном происхождении поэзии и утверждает, что она создана мыслью человечества. Также Гердер не согласен с идеей преемственности поэтического искусства от одного народа ко всем другим, он считал, что «...у различных народов, населяющих отдаленные уголки нашей планеты и поэтому не связанных друг с другом, самостоятельно возникали довольно сходные по содержанию поэтические произведения» [3, с. 26]. В классических учебных курсах конца XVIII – начала XIX вв. русская литература представлялась явлением, заимствованным от просвещенных европейских народов, которые, в свою очередь, переняли античные образцы искусства. Но постепенно общество приходило к пониманию глубоких связей истории конкретного народа и его литературы. В произведениях Н.М. Карамзина, В.А. Жуковского, А.С. Пушкина и др. прослеживались передовые идеи о ее национальном своеобразии.

Никитенко в своем труде в первую очередь отстаивает право русской литературы «идти своим особенным путем и развиваться из собственных начал», защищая ее от распространенного предрассудка, что «изучение ее не стоит труда – так она бедна и незанимательна» [9, с. 136-137]. Соглашаясь, что русская литература не представляет такого богатства материала, как более развитые литературы других народов, автор заявляет, что она есть «факт, рожденный историческими судьбами общества и народа» и поэтому заслуживает пристального изучения. «У нас есть свой народный склад мысли, своя логика ума», которая составляет «основную силу нашей нравственной самобытности» [9, с. 139].

В 30-40-х гг. XIX в. в русском обществе происходило переосмысление представлений о месте нации в общечеловеческой истории, которое зависит от самобытности и народности. Развернулись острые дискуссии по поводу понимания народности, начавшиеся с А.С. Пушкина, продолженные Н. Надеждиным, О. Сенковским, С.П. Шевыревым, К.С. Аксаковым, В.Г. Белинским и др. В контексте этих споров Никитенко выступил со статьей «О характере народности в древнем и новейшем искусстве», опубликованной в «Петербургском сборнике» (1846). По его словам, всякий народ как «представитель вечных идей человечества» может осуществить интересы духа «мерой своих сил и своими способами, <...> новым богатством содержания, новыми красотами формы, новыми оттенками и блеском колорита» [10, с. 498].

Для концепции истории литературы, по мнению профессора, понятие народа является ключевым. Никитенко воспринимает народ как нравственное лицо, «первообразный нравственный элемент народности, заключающий в себе меру, степень и способ ее могущества и исторического значения» [9, с. 75]. Мысль Гердера о том, что «каждый народ воплощает в своем творчестве свою неповторимость, свои особенности, свою психологию» [3, с. 155], была реализована в труде Никитенко

применительно к литературе. Он говорит: «Начинается литература у каждого народа с собственных его воззрений на вещи и тех возбуждений, какие находит он в природе и истории, <...> под покровом местных и национальных образов и красок» [9, с. 38]. При этом на разных этапах он видит разную степень развития народности: «...народность нашего века богаче выражениями и взглядами, разнообразнее чувствами, идеями, формами, она не только груба и проста, но возвышена и изящна. Она может говорить... языком Карамзина, Жуковского, Батюшкова, Пушкина, ... изъясняясь их очищенным, художественно усовершенствованным, народно-человеческим словом» [9, с. 77].

Несмотря на наличие в библиотеке Никитенко только одного труда Гердера, мысли, тексты и идеи профессора обнаруживают его знакомство и с другими произведениями немецкого философа. Учение о происхождении языка и мышления было глубоко усвоено Никитенко, который в своей «Вступительной лекции» развивает идею Гердера о том, что «язык – это обширная область ставших видимыми мыслей» [4, с. 229]. Никитенко акт воплощения мысли называет тайной и поясняет подробности этого акта: «Мы не можем себе представить мысли без сего облика, который служит ей плотью и органом. Слово, принявшее в недра свои мысль, становится в свою очередь живым действующим нравственного мира» [8, с. 7]. Лектор выступает против механического употребления фигур речи, призывая «стараться приводить в теснейшее родственное соотношение мысли наши ... с оборотами и формами языка» [8, с. 8]. В дальнейшем, в своем более зрелом труде «Опыт истории русской литературы», Никитенко раскрывает глубокую взаимосвязь языка и литературы через понимание истории народа. По его словам, «Идеи, перешедшие в язык и образующие целые оконченные творения, представляют результаты умственной деятельности народа, язык означает его способности, ум в самых глубоких его изгибах» [9, с. 84]. Следуя мысли Гердера, Ни-

китенко называет первые формы народного языка – пословицы, песни, сказки, в них находится «сила мысли, которая нам принадлежит по праву рождения» [9, с. 140].

По аналогии с возрастными языками у Гердера, Никитенко выводит мысль о возрастании литературы и прослеживает пути русской словесности от самых первых ее проявлений до современности. Он говорит: «В эпоху младенческого состояния народов Литература и сама еще младенческая, испытывает одно влияние народности и общественного духа» [9, с. 95]. Однако «народный дух зреет, развертывает свои нравственные силы и переходит в ту сферу жизни и деятельности, ... где мысль его должна стать лицом к лицу с великими задачами человечества» [9, с. 78]. Наиболее ранний период развития России назван допетровским, когда страна «раскинувшаяся на плоских снежных равнинах у рубежей Азии и Европы, отодвинутая от сцены великих исторических дел, ... не имела случая оказать ни одного из энергических напряжений ума и воли» великих деятелей [9, с. 102]. По его словам России была уготовлена особенная, «чрезвычайная» судьба, в отличие от других народов.

С призвания варягов среди славянских народов началось брожение, которое должно было развиваться, но не успело, охваченное роковым событием – нашествием татаро-монгольского ига: «То были века страданий и умственного бездействия, ... но дух народный не умер, он учился терпеть и не страшиться страха, ... ибо жизнь не знает ничего бесплодного» [9, с. 103]. Никитенко впервые определяет значение этого периода не в контексте упадка и деградации, а в контексте сохранения и созидания народного характера. По его словам, в этот период «...мысль народная не обнаруживает в себе развития, не вырабатывает великих всечеловеческих идей, ... но она сберегает чистоту, непреложные основы своей натуры и самобытности. Она целомудренно и ненарушимо соблюдает для нас эту Славяно-Европейскую силу анализа, ... свою гибкость, доступную всем интересам разум-

ности, свою смелость, быстроту, свой шаловливый и лукавый юмор» [9, с. 125-126].

Никитенко определяет литературные памятники этого раннего периода: лирика, сказочный эпос, «деписания» с живым отношением к современной действительности, к которым причисляется «Слово о полку Игоря». Также он упоминает творения отцов и учителей церкви, в которых народная мысль, «угнетаемая и скорбная под свинцовым игом веков медлительных и суровых, питалась и находила утешение». Наконец памятниками минувшего Никитенко называет государственные акты, «которые вместе с выражением потребностей эпохи, заключают в себе нередко страницы истинно изящного народного красноречия» [9, с. 126-127].

Большой допетровский период Никитенко разделяет на два отрезка времени, до-татарский и татарский, и для каждого из них определяет задачи истории литературы. Задача первого этапа: «...рассмотрев памятники слова, какие время, пожары и меч не успели истребить, извлечь из них черты, характеризующие начало самобытного настроения нашей мысли» [9, с. 148]. На втором этапе обязанность истории литературы – «изобразить, какое изменение внес в понятия народного ума татарский элемент и какими формами выразилось его влияние в произведениях словесности». С другой стороны, необходимо показать «присутствие в этих произведениях могущественного народного начала, которое затаило в себе, но спасло свою чистоту и энергию от покушений враждебной ему силы» [9, с. 148-149].

Следующий значимый период развития литературы по классификации Никитенко начинается с появления Петра Великого – «Державного Гения», в лице которого возникло «могущество с идеями всемирного разума и творческим характером». Оно разбило вековые преграды и вынесло из мрака «нашу угнетенную, но живую нравственную силу» [9, с. 105]. И здесь Никитенко также солидарен с мнением Гердера, который превозносил личность Петра. Эссе Гердера «Петр Вели-

кий» было впервые напечатано в журнале «Адрастея» (Adrastea) и выражало его восхищение деятельным гением и великим человеком [2].

В русском обществе середины XIX в. споры и разногласия о Петре I были особенно острыми. Никитенко продолжил традицию, идущую от М.В. Ломоносова, прочитав в 1838 г. свое «Похвальное слово Петру Великому» на торжественном собрании Императорского Санкт-Петербургского университета. По его словам, Петр дал новое направление развития России, «принял ее в свои мощные объятия и, оживотворив своим дыханием, возвратил ее человеческому роду» [11, с. 12]. Позиция профессора и в 1845 г. была неизменной, следуя своей цели – проследить развитие литературы сквозь исторические преобразования, Никитенко высоко оценивает роль Петра Великого в появлении нового начала, «всеобщего человеческого», в котором литература воспринимается как искусство и общественная сила.

Период от Ломоносова до Карамзина отмечен формалистическим направлением, связанным с подражательностью. Творчество Сумарокова, Тредиаковского автор называет «великим шагом на поприще разума, когда начали уважать манеру и методу разума, хотя и не возвышались до его идей». Творчество Кантемира, Ломоносова, Фонвизина, Державина, Екатерины II отличалось «верностью своих литературных целей и меткостью взгляда на потребности времени» [9, с. 132–133]. С Карамзиным литература получает новый язык, «форма еще продолжает стеснять мысль, но она сама совершенствуется, становится менее школьной, более общественной, изящной и художественной» [9, с. 134]. В баснях Крылова Никитенко высоко оценивает гибкость и простоту народной мысли. Переходным моментом к современному романтическому методу явились события Отечественной войны 1812 года, когда «чувство народной самобытности возбуждается великостью жертв и торжеством успеха». По словам Никитенко в этот пе-

риод литература уже не смеет заниматься одними формами, глубокое значение происходящего события «прикрепило ее на веки» к жизни русского общества [9, с. 135]. И последний шаг литературы к своей истории и природе был сделан современными писателями: «Жуковский предвозвещает Пушкина, Пушкин довершает подвиг Жуковского» – говорит Никитенко. Большую работу о значении В.А. Жуковского для русской литературы Никитенко опубликовал в 1853 г., после смерти поэта [7].

Таким образом после-петровский период разделяется на два отрезка времени – до XII года и после XII года. Формалистическому направлению первого отрезка противостоит другое, художественно-общественное и народное направление последнего этапа развития литературы, современного и для самого Никитенко. Он следующим образом характеризует новейшую литературу: «здесь дело идет не об одной обработке формы, но об мысли, для которой содержанием служат природа и история» и главными деятелями в этом движении видит Жуковского и Пушкина [9, с. 152].

Мы видим, что идеи Гердера были восприняты Никитенко в русле рецептивной русской традиции 1820-1840-х гг. Читатель сочинений немецкого просветителя увидел в его трудах основополагающие принципы новой эстетики – философию истории, концепцию исторического развития литературы и особенности ее национального своеобразия, базирующиеся на идеях народности. Все эти идеи способствовали становлению такой концепции развития истории русской литературы, которая формировала взгляд на русское общество как на единое органическое целое. Главным результатом стало особое синтетическое понимание литературы как своеобразной движущей силы в истории общества и народа. Подводя итог своей многолетней профессорской деятельности в 1868 г., Никитенко писал: «Элемент изящного, неразлучный с элементом идеального, я считал важным необходимым деятелем в истории человечества» [6, с. 119-120]. И это нашло отражение в разработанных им университетских курсах преподавания словесности.

Статья опубликована при поддержке РФФИ №20-012-00443.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гердер И.Г. Мысли, относящиеся к философической истории человечества : пер. с нем. СПб., 1829. 302 с.
2. Гердер И.Г. Петр Великий // Философская культура. Январь – июнь 2006. №3.
3. Гулыга А.В. Гердер. М., 1975. 181 с.
4. Жирмунский В.М. Жизнь и творчество Гердера // Жирмунский В. М. Очерки по истории классической немецкой литературы. Л., 1972. С. 209–276.
5. Карпов А.А. Кафедра истории русской литературы Санкт-Петербургского государственного университета: эпохи и имена (1819-1919) // Актуальные проблемы изучения и преподавания русской литературы: взгляд из России – взгляд из зарубежья: материалы Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 7-9 октября 2010 г. СПб., 2011. С. 11–41.
6. Никитенко А.В. Дневник в 3-х т. Т.1. Л., 1955. 542 с.
7. Никитенко А.В. В.А. Жуковский со стороны его поэтического характера и деятельности // Отечественные записки. 1853. Т. 86, отд. 2. С. 1–36.
8. Никитенко А.В. О происхождении и духе литературы. Вступительная лекция российской словесности. СПб., 1833. 52 с.
9. Никитенко А.В. Опыт истории русской литературы. СПб., 1845. 152 с.
10. Никитенко А.В. О характере народности в древнем и новейшем искусстве// Петербургский сборник. СПб., 1846. С. 485–498.

11. Никитенко А.В. Похвальное слово Петру Великому, императору и самодержцу всероссийскому, отцу отечества, произнесенное в торжественном собрании Санкт-Петербургского университета марта 25 дня 1838 года экстраординарным профессором доктором философии Александром Никитенко. Санкт-Петербург: Тип. А. Плюшара, 1838. 23 с.
12. Никитенко А.В. Прогресс // Северная почта. 1862. № 42 (24 февраля).
13. Отечественные записки. 1841. Т. XVIII, № 10, отд. VI. С. 48-49.
14. Реморова Н.Б. Жуковский и немецкие просветители. Томск, 1989. 283 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Gerder I.G. Mysli, odnosjashiesja k filosoficheskoj istorii chelovechestva : per.s nem.SPb.,1829.302s.
2. Gerder I.G. Petr Velikij // Filosofskaja kul'tura. Janvar' – ijun' 2006. №3.
3. Gulyga A.V. Gerder. M., 1975. 181 s.
4. Zhirmunskij V.M. Zhizn' i tvorcestvo Gerdera // Zhirmunskij V. M. Oчерки po istorii klassicheskoj nemeckoj literatury. L., 1972. S. 209–276.
5. Karpov A.A. Kafedra istorii russkoj literatury Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta: jepohi i imena (1819-1919) // Aktual'nye problemy izuchenija i prepodavanija russkoj literatury: vzgljad iz Rossii – vzgljad iz zarubezh'ja: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Sankt-Peterburg, 7-9 oktjabrja 2010 g. SPb., 2011. S. 11–41.
6. Nikitenko A.V. Dnevnik v 3-h t. T.1. L., 1955. 542 s.
7. Nikitenko A.V. V.A. Zhukovskij so storony ego pojeticheskogo haraktera i dejatel'nosti // Otechestvennye zapiski. 1853. T. 86, отд. 2. S. 1–36.
8. Nikitenko A.V. O proishozhdenii i duhe literatury. Vstupitel'naja lekcija rossijskoj slovesnosti. SPb., 1833. 52 s.
9. Nikitenko A.V. Opyt istorii russkoj literatury. SPb., 1845. 152 s.
10. Nikitenko A.V. O haraktere narodnosti v drevnem i novejschem iskusstve// Peterburgskij sbornik. SPb., 1846. S. 485–498.
11. Nikitenko A.V. Pohval'noe slovo Petru Velikomu, imperatoru i samoderzhcu vserossijskomu, otcu otechestva, proiznesennoe v torzhestvennom sobranii Sankt-Peterburgskogo universiteta marta 25 dnja 1838 goda jekstraordinarnym professorom doktorom filosofii Aleksandrom Nikitenko. Sankt-Peterburg: Tip. A. Pljushara, 1838. 23 s.
12. Nikitenko A.V. Progress // Severnaja pochta. 1862. № 42 (24 fevralja).
13. Otechestvennye zapiski. 1841. T. XVIII, № 10, отд. VI. S. 48-49.
14. Remorova N.B. Zhukovskij i nemeckie prosvetiteli. Tomsk, 1989. 283 s.

Поступила в редакцию 09.09.2021.

Принята к публикации 11.09.2021.

Для цитирования:

Гончарова Н.В. Идеи Гердера в концепции исторического развития литературы профессора А.В. Никитенко // Гуманитарный научный вестник. 2021. №9. С. 88-95. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2021/09/Goncharova.pdf>